

Джеффри

Кейн

Государство строгого режима

Внутри 反动

分子被拉黑 китайской
цифровой ★ 国宝
抄水表 антиутопии

Джеффри Кейн

Государство строгого режима. Внутри китайской цифровой антиутопии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69553120

Государство строгого режима. Внутри китайской цифровой антиутопии.

ISBN 978-5-6048295-7-8

Аннотация

Китай выстроил самую изощренную систему тотального контроля над населением в истории человечества. Полигоном для этого эксперимента стал Синьцзян – регион на северо-западе страны, где живут тюркоязычные уйгуры. Цифровые технологии подарили государству беспрецедентные возможности надзирать и наказывать: от вездесущих камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц до интернет-слежки и алгоритмов, которые якобы могут предсказывать будущие преступления. Скажете или сделаете что-то, что не понравится властям, – и можете отправиться в лагерь или бесследно исчезнуть. Американский журналист Джеффри Кейн побывал в Синьцзяне, а также общался с десятками уйгурских беженцев – исследователей, активистов и обычных людей, которым удалось вырваться из полицейского государства. Эта книга – уникальное свидетельство

о жизни внутри антиутопии и мощное предупреждение о том, как авторитарные режимы в союзе с технологическими корпорациями угрожают нашей свободе.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пояснения к исследованию, а также использованию уйгурских и ханьских имен	6
Пролог	11
Глава 1	19
Глава 2	36
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джеффри Кейн Государство строгого режима. Внутри китайской цифровой антиутопии

Published by arrangement with The Robbins Office, Inc.
International Rights Management: Greene & Heaton

© Geoffrey Cain, 2021

© Дмитрий Виноградов, перевод, 2023

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

*Маме, которая научила меня заботиться
о состоянии мира*

Пояснения к исследованию, а также использованию уйгурских и ханьских имен

С августа 2017-го по сентябрь 2020 года я взял интервью у 168 уйгурских беженцев, работников технологического сектора, государственных чиновников, исследователей, ученых, активистов, а также бывшего китайского шпиона, намеревающегося перейти на сторону противника. Большинство из них попросили, чтобы при публикации наших интервью я использовал псевдонимы.

Это было единственным способом написать правдивую книгу об уйгурах, казахах и других этнических группах, угнетаемых на западе Китая. Их семьи, все еще находящиеся в КНР, в любой момент могут подвергнуться преследованиям или пыткам со стороны полиции или спецслужб. Некоторые из моих собеседников – общественные деятели, чьи истории уже получили широкую огласку, – разрешили использовать их настоящие имена.

«Майсем», имя главной героини этой книги, – псевдоним уйгурской девушки, с которой я познакомился в Анкаре, столице Турции, в октябре 2018 года. Я взял у нее четырнадцать интервью в период с октября 2018 по февраль 2021 года.

В процессе работы над книгой я задумывался о том, насколько целесообразно брать интервью у беженцев, которые, прикрываясь вымышленными именами, могут приукрасить или исказить свои истории, чтобы справиться с невыносимой психологической травмой.

Фиксируя политические катаклизмы и преступления против прав человека, журналисты, исследователи и писатели придерживаются давней традиции опираться на показания беженцев – еврейских, кубинских, китайских и северокорейских, а также русских-белоэмигрантов, – иногда скрывая их настоящие имена и личные данные.

Как и некоторые другие авторы, во время работы иностранным корреспондентом я брал интервью у беженцев и людей, находящихся в опасных ситуациях, чья карьера или жизнь были под угрозой. Я знал, как избежать подводных камней в работе над этой книгой.

Все заявления ключевых персонажей я тщательно перепроверял при помощи людей, которые знали их и слышали их истории раньше. Кроме того, я сверял показания моих собеседников со свидетельствами других беженцев, сообщениями СМИ, общедоступной хронологией событий, базой данных жертв в Синыцзяне на сайте shahit.biz, выступлениями китайских руководителей в государственных медиа, отчетами по правам человека Human Rights Watch, Уйгурского проекта по защите прав человека (UHRP), Конгресса США и Госдепартамента США, а также данными неболь-

шой исследовательской группы, анализирующей спутниковые снимки, компьютерные данные и корпоративные отчеты китайских компаний.

Со своими ключевыми собеседниками я встречался от четырех до двадцати пяти раз, проводя с каждым от восьми до шестидесяти часов. В ходе интервью я возвращался к одним и тем же вопросам, внимательно следя за несоответствиями или упущениями. В двух из 168 бесед я выявил незначительные расхождения. В ходе еще одного интервью я обнаружил, что собеседник утаил дискредитирующую его информацию, пытаясь убедить меня, что является жертвой, а не виновником событий.

Эти три интервью я не использовал в книге.

Все остальные истории оставались последовательными вплоть до мельчайших деталей: дат, мест, адресов и имен. Большинство из них подтверждалось спутниковыми снимками Google Maps, слитыми правительственными документами и тендерной документацией, предоставленной мне собеседниками; годовыми отчетами, опубликованными в интернете китайскими корпорациями, а также моими собственными наблюдениями и путешествиями по Синьцзяну.

С декабря 2020-го по февраль 2021 года я работал с Вэнь-йи Ли – тайваньской технологической журналисткой и носительницей мандаринского диалекта китайского языка, которая провела строгий фактчекинг и перепроверила материалы этой книги. Она просмотрела записи и расшиф-

ровки интервью, созвонилась с моими собеседниками и сверила полученную от них информацию, лишний раз исследовала их истории на предмет изменений или упущений, а также провела скрупулезную проверку первоисточников – как в оригинальном виде, на мандаринском диалекте китайского языка, так и в переводе, в англоязычных материалах СМИ и исследованиях. В дополнение к этому я попросил академических специалистов проверить фрагменты текста, посвященные специфике искусственного интеллекта, распознавания лиц, полупроводников, забора образцов ДНК и другим технологическим аспектам. Эти эксперты – некоторые из них весьма известны в своих областях – подтвердили, что рассказы уйгуров о китайском надзорном государстве достоверны с технологической точки зрения. Ответственность за все оставшиеся ошибки я беру на себя.

Поскольку китайское надзорное государство становится все более искушенным, я утаил или завуалировал некоторую информацию: точную хронологию, местоположение, возраст людей и временной интервал между событиями. Рассказывая историю Майсем (кстати, ее псевдоним был выбран в честь героини из истории уйгуров), я убрал из повествования даты и локации, которые могли бы указать на ее личность, а также скрыл, сколько именно времени прошло между событиями, пока она находилась в заключении. Это был единственный способ защитить моих информантов, не нарушив достоверность их рассказов. Если бы я раскрыл слиш-

ком много, спецслужбы без труда вычислили бы моих собеседников, а также их родственников и друзей.

Порядок написания уйгурских имен соответствует следующему принципу: сначала идет имя, затем фамилия. Ханьские имена следуют обратному правилу: сначала фамилия, потом имя. Из уважения к упоминаемым в этой книге людям на английском языке их имена приводятся в том виде, в котором они предпочитают писать их сами. Часть из них предпочитает писать свои ханьские имена так, как это принято на английском: сначала имя, потом фамилия (Кай-Фу Ли), в отличие от обычного варианта (Си Цзиньпин). Для записи ханьских слов и имен буквами латинского алфавита используется система пиньинь – международный стандарт романизации мандаринского наречия китайского языка.

Пояснения к исследованию

Пролог

«Ситуация»

Антиутопию в регионе Синьцзян на западе Китая местные жители называют «Ситуацией».

С 2017 года примерно 1,8 млн уйгуров, казахов и представителей других – преимущественно мусульманских – меньшинств были обвинены властями в вынашивании «идеологических вирусов» и «террористических мыслей» и распределены по сотням концентрационных лагерей. Многие лагеря располагались в зданиях средних школ и других учреждениях, перепрофилированных в места заключения, предназначенные для пыток, «промывания мозгов» и индоктринации. Это крупнейшее интернирование этнических меньшинств со времен Холокоста.

Даже если вы и не попали в лагерь, ваша повседневная жизнь похожа на ад. Если вы женщина, возможно, вам каждое утро приходится просыпаться рядом с незнакомцем, которым правительство заменило вашего партнера, «исчезнувшего» в лагере. Каждое утро перед работой этот соглядатай будет учить вашу семью государственным добродетелям – верности, идеологической чистоте и гармоничным отношениям с коммунистической партией. Он будет следить за вашими «успехами», задавая вопросы, чтобы убедиться, что

вы не «заразились» тем, что правительство называет «вирусами разума» и «тремя пороками»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

После утренней индоктринации вы можете услышать стук в дверь. Представитель власти, поставленный государством следить за кварталом из десяти домов, проверит вас на предмет «нарушений» вроде наличия более трех детей или владения религиозными книгами. Он может поинтересоваться, почему вы вчера опоздали на работу.

Вероятно, он скажет, что «на вас донесли соседи».

Из-за совершенного преступления – например, неправильно поставленного будильника – вам придется явиться на допрос в местный полицейский участок и объяснить.

После ежедневной проверки районный надзиратель сканирует карточку на устройстве, установленном на вашей двери. Это означает, что инспектирование закончено.

Повсюду, куда бы вы ни заехали перед работой – на заправку или в продуктовый магазин, чтобы купить что-нибудь для ужина, – вы сканируете свой ID. Прямо на входе, перед вооруженными охранниками. На дисплее рядом со сканером загорается надпись «заслуживает доверия», означающая, что власти признали вас добропорядочным гражданином. Вам разрешено войти.

Если загорится уведомление «не заслуживает доверия», то человека не пустят внутрь, а быстрая проверка его статистических данных может привести к дальнейшим пробле-

мам. Возможно, камеры распознавания лиц засекли его молящимся в мечети. Или зафиксировали, как он покупает упаковку из шести бутылок пива, и искусственный интеллект (ИИ) заподозрил у него наличие проблем с алкоголем. Он может никогда не узнать причину. Но всем известно, что за любой небольшой прокол государство может понизить ваш рейтинг благонадежности.

К такому человеку подходят полицейские. Они проверяют его личность на своих смартфонах с помощью приложения под названием «Интегрированная платформа совместных операций» (англ. Integrated Joint Operations Platform, IJOP), которое содержит массив данных, собранных государством на каждого гражданина с помощью миллионов камер, судебных протоколов и бытового шпионажа и обработанных искусственным интеллектом. В рамках «программы предиктивного полицейского контроля» ИИ определяет, что в будущем этот человек совершит преступление, и рекомендует отправить его в лагерь. Полицейские соглашаются. Его увозят на полицейской машине. После периода «перевоспитания» он сможет вернуться – а возможно, его больше никто и никогда не увидит.

Отстояв очередь на отдельной кассе для меньшинств, вы расплачиваетесь за продукты. Установленные государством камеры и мессенджер WeChat отслеживают ваши покупки. Вы выходите из магазина и едете на работу. По дороге вы проезжаете дюжину полицейских постов – так на-

зываемых «удобных полицейских участков». Удобных для кого? На двух постах вас останавливают, требуют предъявить идентификационные документы и спрашивают, куда вы направляетесь. Удовлетворенные, они пропускают вас, но лишь благодаря вашему статусу «заслуживает доверия».

В офисе за вами постоянно следят коллеги. Перед началом рабочего дня все встают и поют национальный гимн, затем смотрят короткий пропагандистский фильм о том, как вычислить террориста. В нем объясняется, что террорист, «весьма вероятно, бросит пить и курить, причем внезапно». Вам становится смешно. Но коллеги могут сообщить о неуважительном поведении в надежде на вознаграждение от государства или повышение рейтинга доверия. На протяжении всего фильма вы не издаете ни звука.

Если вы женщина, то каждый полдень вам нужно принимать предписанное государством противозачаточное средство. И вам еще повезло – ваших коллег часто вызывают в местную клинику на принудительную стерилизацию. Государство заявляет, что хочет сократить рождаемость среди меньшинств, утверждая, что ее снижение приведет к экономическому процветанию.

После работы вы отправляетесь домой, проезжаете еще десяток полицейских постов, а затем сканируете свой ID, чтобы открыть ворота на въезде в ваш район – гетто, окруженное забором или бетонной стеной, куда никто не может войти и выйти без удостоверения личности. Дома ваши де-

ти рассказывают вам о партийных добродетелях патриотизма и гармонии, которые они изучали в школе. Вы не спорите с тем, чему их учат. Учителя велели ученикам доносить на родителей, выражающих несогласие.

Поев и посмотрев вечерние новости перед камерой, которую государство разместило в углу вашей гостиной, вы ложитесь в постель со своим государственным соглашаемым. Вы надеетесь, что сможете заснуть. Приходится помнить, что в постели он имеет полную власть, потому что его прислало государство. Воспротивитесь его приставаниям – он придумает обвинение, напишет донос, и вы отправитесь в лагерь.

К счастью, сегодня все прошло хорошо. Но завтра удача может отвернуться. Вы засыпаете, а на следующее утро все повторяется. Это день из жизни уйгура, казаха или представителя другого этнического меньшинства в Синьцзяне.

[ ]

Эта книга рассказывает о том, как Синьцзян стал самой изощренной в мире надзорной антиутопией – как сложилась «Ситуация» и что она значит для нашего будущего в условиях, когда мы осваиваем беспрецедентные достижения в области искусственного интеллекта, распознавания лиц, систем наблюдения и других технологий.

Падение башен-близнецов в сентябре 2001 года в Нью-

Йорке стало самым наглядным террористическим актом, когда-либо явленным миру. Китайское правительство в Пекине, находящееся на расстоянии более 10 тысяч километров от произошедшего, увидело в этом возможность укрепить свой авторитарный режим. Месяц спустя Китай начал собственную войну с терроризмом, главным объектом внимания которой стали экстремистские группы мусульман-уйгуров из Синьцзяна.

Однако с 2001 по 2009 год благодаря наличию богатых запасов нефти и строительному буму в Синьцзяне царили относительный мир и благополучие. Но плоды успеха не были справедливо распределены между меньшинствами Синьцзяна, имевшими исторические притязания на эту землю, и ханьцами-поселенцами, прибывшими с востока в поисках богатства и возможностей.

Накапливая недовольство в течение почти десятилетия, в июле 2009 года взбунтовавшиеся уйгуры вышли на улицы Урумчи, административного центра Синьцзяна. В ответ власти отключили интернет и связь и похитили огромное количество молодых уйгурских мужчин. Некоторые из них были казнены по обвинению в разжигании жестокой сепаратистской смуты.

Столкнувшись с преследованием, с 2009 по 2014 год тысячи уйгурских мужчин-мусульман отправились в Афганистан и Сирию. Они тренировались и сражались на стороне объединений, связанных с ИГИЛ, надеясь однажды вернуть-

ся в Китай и начать против него ¹джихад, или «священную войну». Новоявленные террористы развернули в Китае кампанию перестрелок, убийств и поножовщины, а также предприняли попытку угнать самолет.

С 2014 по 2016 год борьба Китая с терроризмом достигла уровня невиданной жестокости. В дело пошли традиционный силовой полицейский контроль и «работа с населением», которая в действительности сводилась к вербовке стукачей в семьях, школах и офисах. Но, по мнению правительства, для полного подавления террористической угрозы этого было недостаточно.

В августе 2016 года регион возглавил авторитарный лидер по имени Чэнь Цюаньго, занявший пост лидера коммунистической партии Синьцзяна. Он внедрил новые технологии для наблюдения и контроля над населением. Используя массивы данных, он создал программу предиктивного полицейского учета, в рамках которой подозреваемого могли задержать, если искусственный интеллект предсказал, что тот совершит преступление *в будущем*. Он построил сотни концентрационных лагерей, официально называемых центрами «содержания под стражей», «профессиональной подготовки» и «перевоспитания». К 2017 году число заключенных в них выросло до 1,5 млн человек – из 11 млн уйгурского населения.

---

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация. – Здесь и далее примечания редактора и переводчика.

Цель Китая – стереть идентичность, культуру и историю народа и добиться полной ассимиляции миллионов людей.

«Невозможно выкорчевать по одному все сорняки, спрятавшиеся среди посевов, – нужно распылить химикаты, чтобы убить их все сразу, – заявил один чиновник в январе 2018 года. – Перевоспитывать этих людей – все равно что распылять химикаты в поле».

Так Китай построил идеальное полицейское государство.

Глава 1

Новые рубежи

*Да здравствует великая, славная и безупречная
коммунистическая партия Китая!
Государственный пропагандистский лозунг*

«Видишь террориста – бей террориста!» – выкрикнул полицейский.

У рынка под открытым небом стояли трое высоких, коренастых офицеров антитеррористических служб, одетых в черную форму спецназа, в солнцезащитных очках и пуленепробиваемых жилетах. Перед ними выстроились в ряд владельцы лавок, каждый из них сжимал в руках деревянную дубинку. Шли учения. По знаку полицейского зазвучал сигнал тревоги. Тренировка началась: нужно бить сильно и быстро, прижать воображаемого террориста к земле.

«Любим партию, любим страну!» – хором прокричали собравшиеся.

Украдкой засняв происходящее на мобильный телефон, я собрался уходить. Один из полицейских, в солнцезащитных очках со встроенной камерой, подключенной к базе данных китайской системы наблюдения «Скайнет» (камера была подсоединена к мини-компьютеру в его кармане), повернулся и посмотрел на меня. Вероятно, будь я местным жите-

лем, через несколько секунд он увидел бы мое имя и номер национального ID на линзах своих очков. Не успел я опомниться, как полицейские меня окружили. Не знаю, откуда они взялись и как долго наблюдали за мной. Но дружелюбными они не выглядели... Почти двухметровый громала в стандартной полицейской униформе, офицерской фуражке и белой рубашке на пуговицах выхватил у меня телефон и потребовал паспорт. «Пройдемте с нами», – сказал он.

В тот холодный декабрьский день в Кашгаре я выдавал себя за туриста-бэкпекера. Накануне я прилетел двухчасовым рейсом из Урумчи и высадился в маленьком ветхом аэропорту Кашгара. Туристическая виза позволяла мне посетить этот малоизвестный, преимущественно мусульманский край пустынных оазисов и ледяных гор размером вдвое больше Техаса, расположенный на самом западе Китая вблизи границы с Афганистаном и Пакистаном.²

В течение последнего десятилетия я занимался документированием того, как по всему миру возникают авторитарные государства и как они все более изощренно применяют новые технологии для отслеживания, контроля и даже истребления собственного населения. Я описывал повстанческие движения, диктатуры и геноциды в Северной Корее, Китае, Мьянме и России. Но когда меня задержали в Кашга-

---

² Бэкпекинг, или рюкзачество (от англ. backpack – «рюкзак»), – вид туризма, подразумевающий самостоятельные путешествия с рюкзаком без жесткой привязки к маршруту.

ре, я понял, что никогда раньше не сталкивался с настолько отлаженным и угрожающим государственным надзором.

Скорее всего, за мной следили с момента приезда. Коллеги-журналисты предупреждали меня, что номера в гостиницах прослушиваются, а оставленные в них ноутбуки и смартфоны проверяются властями. Размещенные по всей стране 170 млн камер (многие из них могут идентифицировать человека на расстоянии до 15 км); устройства, называемые вай-фай-снифферами, с помощью которых государство собирает данные обо всех смартфонах и компьютерах, находящихся в зоне их действия...³ Вероятно, к моменту, когда я сошел с самолета, здесь обо мне уже многое знали.

«Офицер службы общественной безопасности» – так в Китае называют полицейских, обладающих широкими полномочиями, включая право производить обыски и изымать имущество, – проверил мой паспорт.

– Япония? Камбоджа? Египет? – подозрительно спросил он, глядя на штампы. – Кем вы работаете?

– Бизнес-консультант, – ответил я. – Просто путешествую... с рюкзаком.

Я нервничал. Вокруг не было ни одного другого «туриста» с Запада – стояла глухая зима. Кроме того, я опасался, что полиция обнаружит мой диктофон, замаскированный под наручные часы.

---

³ Сниффер (от англ. sniff – «нюхать», «вынюхивать») – устройство, используемое для перехвата и анализа сетевого трафика.

Офицер позвонил кому-то, а затем строго взглянул на меня:

– Вы должны удалить все фотографии с этого телефона.

Телефон я купил пару дней назад уже в Китае и использовал его исключительно для того, чтобы фотографировать необычные здания, пропагандистскую символику и полицию.

Он проследил за тем, как я удаляю фотографии, затем отдал мне паспорт.

– Добро пожаловать в Китай, – сказал он. – Пожалуйста, будьте внимательны, не снимайте ничего лишнего. Теперь можете вернуться в отель.

[ ]

Когда следующим утром я проснулся в своем гостиничном номере, мои мысли неслись галопом. Все это произошло 10 декабря 2017 года, и в восемь часов утра за окном еще было темно. Всю ночь где-то вдалеке были полицейские сирены. Всего лишь три дня, проведенные в Китае, выжали меня, как лимон. Тогда я еще не представлял себе интенсивность государственного надзора, слежки и паранойи, которые мне предстоит испытать. Казалось, за мной постоянно наблюдают, но откуда и как – я понять не мог.

Меня привело сюда намерение узнать, как Китай создал самый изощренный аппарат надзора в истории человечества.

Я думал, что, когда я перекинусь парой слов с местными или столкнусь с полицией, мне удастся получить представление о работе искусственного интеллекта и необъятной китайской сети камер видеонаблюдения, чтобы затем описать это в своих репортажах. Однако уже через три дня я был раздавлен ощущением, что это государство следит за мной.

Я спустился на лифте в вестибюль недавно отреставрированного отеля Qinibagh, бывшей резиденции британского генерального консула. Стены вестибюля украшали панели, имитирующие ковры и настенные росписи, похожие на те, что можно встретить в Афганистане или Иране. Отель казался скорее пластмассовым, нежели историческим, как будто владелец пытался кому-то что-то доказать или – еще хуже – что-то скрыть.

Завтрак представлял собой шведский стол в европейском стиле, и, пока я разбирался с яичницей и сосисками, по телевизору шел документальный фильм о терроризме и хаосе на Ближнем Востоке. Играла жуткая музыка, похожая на мелодию из «Сумеречной зоны». Взрывались бомбы, в пыльных пустынных деревнях террористы палили из АК-47, а мусульмане были изображены молящимися в мечети о том, чтобы погибли невинные люди. Затем показали падение башен-близнецов.

«Любим партию, любим страну», – подытожил диктор.

Поскольку китайское правительство обязало Кашгар придерживаться пекинского часового пояса, несмотря на то что

столица страны находится почти в семи часах полета на восток, на улице было темно до десяти часов утра. Пройдя через ворота, возле которых стоял вооруженный охранник, я вышел из отеля в кромешную тьму и приступил к изучению города, прогуливаясь по переулкам, рынкам и площадям. Почти на каждом углу располагался полицейский пост, и даже дети смотрели на меня с подозрением.

– Паспорт! – потребовал китайский полицейский, подойдя ко мне на улице. Он указал на мою бороду. – Пакистанец? Афганец? Мусульманин?

– Американец, – ответил я по-китайски.

Полицейский проверил мои документы и разрешил пройти через контрольно-пропускной пункт.

– Слишком далеко не заходите, – предупредил он.

[ ]

Перебравшись в 2008 году в Азию, а затем и на Ближний Восток, я открыл для себя мир, который американцы обычно не замечают.

На Западе – регионе, простирающемся через Атлантический океан и включающем в себя Северную Америку и узкую полосу северо-западной Европы, – существует аппарат организованных национальных государств с общим языком и сводом законов и обычаев, который мы ставим выше приверженности этническим группам, политическим фракциям

и религиозным лидерам.

Жизнь в Азии научила меня видеть мир иначе – как территорию, сформированную веками торговли, завоеваний и быстро меняющихся идей и верований, которые создавали новые царства и столь же быстро поглощали их.

Я немного коллекционирую антикварные карты, причем основное внимание уделяю не Европе, Восточной Азии и Северной Америке, а землям, простирающимся от Китая до Средиземного моря. Эти карты тоже о многом могут рассказать. Так называемая Евразия – земля оазисов, степей и гор, где царят хаос и вечные конфликты, ее трудно держать под контролем. Достаточно взглянуть на Балканы, Сирию, Турцию, Израиль и Палестину, Ливию, Украину, Чечню, Ирак, Иран, Афганистан и Пакистан... Пересекающихся этнических и религиозных принадлежностей в этом регионе великое множество – и здесь они важнее и древнее современных государств. Большинство вооруженных конфликтов в мире сегодня происходит в Евразии: она богата нефтью, редкоземельными элементами и полезными ископаемыми – и в то же время полна диктатур, неравенства и религиозного фундаментализма.

Меня увлекла история Шелкового пути – сплетения торговых маршрутов из Европы в Азию, по которым золото и драгоценные металлы текли на восток, в Китай, а шелк – на запад, в Европу. На Западе о нем впервые узнали благодаря странствиям Марко Поло в XIII веке. Я читал замет-

ки европейских исследователей, путешествовавших по одной из крупнейших в мире пустынь, суровому и беспощадному Такла-Макану, лежащему сразу за Кашгаром, самым важным городом уйгуров.

«Совершенно неожиданно небо темнеет», – писал в 1928 году немецкий археолог Альберт фон Ле Кок.

Солнце становится темно-красным огненным шаром, проглядывающим сквозь быстро сгущающуюся завесу пыли; за приглушенным воем следует пронзительный свист, и спустя мгновение буря с ужасающим неистовством обрушивается на караван. Огромные массы песка, смешанные с мелкими камнями, с силой вздымаются в воздух, кружатся и обрушиваются на людей и зверей; темнота усиливается, и странные грохочущие звуки смешиваются с ревом и завыванием бури... Все происходящее напоминает ад, вырвавшийся на волю... Любой путешественник, застигнутый такой бурей, должен, несмотря на жару, полностью закутаться в войлок, чтобы избежать травм от камней, несущихся с бешеной силой. Люди и лошади должны лечь на землю и переждать ярость урагана, который часто длится часами.

Беспощадные песчаные бури называли «черными ураганами» – из-за них Такла-Макан был смертельно опасен. Британский генеральный консул в Кашгаре называл пустыню «землей смерти». Свен Хедин, шведский исследо-

ватель, окрестил ее «самой страшной и опасной пустыней в мире». Британский корреспондент Питер Хопкирк писал, что на местном тюркском наречии «Такла-Макан» означает «войди – и не выйдешь».

На карте западного пограничья Китая Такла-Макан, протянувшийся примерно на тысячу километров с востока на запад, формой напоминает мяч для американского футбола. Из окружающих пустыню шести городов-оазисов, носящих общее историческое название *Алтышшахар*, западнее других расположен Кашгар. На протяжении веков путники и торговцы, такие как Марко Поло, останавливались здесь на отдых после изнурительного перехода через горы нынешних Ирана и Афганистана, чтобы затем продолжить путешествие вглубь этой опасной земли.

Детство я провел в Чикаго, штат Иллинойс, а из стран Евразии слышал только про Ирак и Афганистан, которые стали известными после терактов 11 сентября. Я почти ничего не знал об Азербайджане, Узбекистане или Таджикистане. Эти страны казались мутным постсоветским захолустьем, волей случая обратившимся в ислам и расположенным где-то на периферии. Однако, чем больше я находился в Азии, тем лучше понимал, что мой западоцентричный взгляд был глубоко ошибочен.

В *The New York Times* я читал о распространении демократии, о том, как люди приветствуют приход свободного рынка, об отказе от идеологии холодной войны, которая за-

кончилась, когда я был еще ребенком. Но реальная история мира была другой. Я наблюдал, как по всей Евразии рушились демократии, нефтяные олигархи захватывали власть, а религиозные лидеры и племенные вожди разжигали войны.

Все глубже погружаясь в историю, антропологию и мировую журналистику, я начинал осознавать, что история Среднего Запада США, где прошла моя юность, насчитывает всего несколько сотен лет, в то время как Кашгар, сравнительно небольшой город, в котором я проснулся тем холодным декабрьским утром, на протяжении веков служил культурными и торговыми воротами Шелкового пути и некогда был космополитическим центром, где находили приют путешественники со всего мира.

[ ]

В годы, последовавшие за 11 сентября, Китай, культурой которого я давно восхищался, начал продвигаться на запад через регион под названием Синьцзян. С 2013 года Китай строит сеть трасс, портов, нефтепроводов и железных дорог стоимостью в триллион долларов. Эта инициатива называется «Один пояс и один путь».

Китай хочет отдалиться от своего перегруженного побережья и создать глобальные торговые маршруты, способные стать альтернативой пересечению Тихого океана. Он хочет убедить компании (например, Foxconn, собирающую iPhone

для Apple на юго-восточном побережье в Шэньчжэне, неподалеку от Гонконга) перенести производство вглубь страны. Затем, посредством дешевеющих наземных маршрутов, компании доберутся до экспортных рынков в Европейском союзе и на Ближнем Востоке. Но за всем этим стоит и более грандиозная идея: если Китай возродит исторический Шелковый путь, это может изменить мировой порядок.

Синьцзян означает «новые рубежи» – и именно отсюда расходится новая сеть дорог и нефтепроводов. Это пограничье Китая быстро привлекает к себе особое внимание, ведь тут проект «Один пояс и один путь» впервые инспектируют иностранцы. Именно здесь мир впервые встречается с Китаем. Но для этого нужно решить одну проблему: усмирить Синьцзян.

С 2011 по 2014 год уйгурские террористы усилили атаки на гражданское население в Синьцзяне и по всему Китаю. Они совершили два автомобильных теракта, включая взрыв на площади Тяньаньмэнь; устроили поножовщину на железнодорожном вокзале в Куньмине на юге Китая; убили известного имама (мусульманского религиозного лидера) в Кашгаре и совершили неудачную попытку угнать самолет, совершавший рейс между двумя городами в Синьцзяне: пассажиры, экипаж и полицейские в штатском одолели шестерых угонщиков и забили двоих из них до смерти.

Нападения были делом рук радикального сегмента террористов-уйгуров, прошедших подготовку в Афганистане

и Сирии. Туркестанская исламская партия, как их называли, объявила, что ставит своей целью создание на территории Синьцзяна и Центральной Азии «халифата» – исламского государства под управлением религиозного лидера, который стал бы преемником пророка Мухаммеда⁴. Китайское правительство не упустило возможности воспользоваться терактами, чтобы объединить страну перед лицом общего врага.

«Все этнические группы страны должны оберегать этническое единство и стремиться совместно препятствовать политическим устремлениям трех сил – сепаратизма, экстремизма и терроризма», – так в августе 2014 года прокомментировало ситуацию «Синьхуа», китайское государственное СМИ и рупор власти. Это была декларация о намерениях.

В 2013–2014 годах Китай начал ужесточать проводимую с конца холодной войны политику апартеида в Синьцзяне, открыто признав ее этническую подоплеку. Уйгуры – тюркская этническая группа, которая имеет общее наследие с народами, основавшими Казахстан, Кыргызстан, Азербайджан и еще три государства. С VI по XI век эти народы перебирались в Евразию из степей Сибири и Центральной Азии. Затем, в 1453 году, они завоевали столицу Восточной Римской империи Константинополь (сегодняшний Стамбул), основав Османскую империю, просуществовавшую 450 лет, вплоть до поражения в Первой мировой войне.

---

⁴ На русском языке более известна как «Исламское движение Восточного Туркестана».

Несмотря на общее наследие, уйгуры обитали на весьма удаленной от центра границе Османской империи. Различные тюркские и китайские мусульманские лидеры правили независимыми городами-государствами или присягали на верность монгольским, маньчжурским и ханьским династиям в качестве отдаленных подчиненных субъектов. К середине XVIII века китайская династия Цин, основанная маньчжурами для борьбы против доминировавших в регионе монголов, захватила территорию современного Синьцзяна.

Поначалу его население практически не притеснялось и не подвергалось преследованиям. «Маньчжуры [Цин] запретили китайцам селиться в густонаселенных уйгурских районах, опасаясь дестабилизации, и не вмешивались в уйгурскую религию, традиции в пище или одежде, – пишет Джеймс Миллуорд, профессор истории Джорджтаунского университета. – Такой культурно-плюралистический империализм был работоспособен, и, несмотря на серию незначительных вторжений в юго-западный Синьцзян из Центральной Азии, с середины VIII до середины XIX века в регионе в целом царил покойствие – до такой степени, что уйгурское население увеличилось в пять раз, а экономика росла еще быстрее».

Но в 1912 году династия Цин рухнула, что привело к 38 годам повсеместных мятежей и разборок между военными лидерами и поддерживаемыми из-за рубежа группами.

ровками, а также к движению за реформирование и модернизацию школ и общественного устройства в Синьцзяне, пока в 1949 году Китай не был объединен под знаменем коммунизма. После этого уйгуры и другие тюркские этнические группы превратились в граждан второго сорта и подверглись сегрегации. Им отказывали в приеме на работу, открытии банковских счетов, покупке новых автомобилей и домов.

Пообещав покончить с этническими распрями и сепаратизмом, в течение следующих шести лет, после усиления террористических атак в 2013–2014 годах, китайские лидеры развернули масштабный социальный эксперимент по подавлению, установлению контроля и «промыванию мозгов», призванный обеспечить полную лояльность государству со стороны населения. Китайское правительство превратило Синьцзян в лабораторию по исследованию наиболее продвинутых надзорных технологий самого мрачного будущего.

«Между авторитарными государствами и крупными, владеющими большим объемом данных ИТ-монополиями, может возникнуть альянс, который объединит зарождающиеся системы корпоративной слежки с уже развитой системой государственного надзора, – заявил финансист Джордж Сорос на Всемирном экономическом форуме в январе 2018 года. – Это вполне может привести к созданию такой паутины тоталитарного контроля, какой не могли себе представить даже Олдос Хаксли или Джордж Оруэлл». Он предсказал, что Ки-

тай станет одной из первых стран, где будет заключен «нечестивый союз» между авторитарным режимом и технологическими компаниями.

В августе 2017 года, когда я начал планировать свою поездку, несколько моих коллег, иностранных корреспондентов и дипломатов, посещавших Синьцзян, меня отговаривали.

«Подожди, пока не доберешься до Кашгара, – сказал мне один пекинский журналист. – Это катастрофа».

24 августа 2017 года, когда я уже готовился к посадке на рейс из Чиангмая, где проводил короткий отпуск, мне начали поступать тревожные сообщения от журналистов и правозащитников.

Власти Камбоджи, союзника Китая, каким-то образом узнали о моей работе в западном Китае и заподозрили в ней тайный умысел. Не знаю, откуда камбоджийскому правительству стало известно о планировавшейся мною поездке в Синьцзян. Подозреваю, что каким-то образом они получили доступ к информации о перелете от китайской авиакомпании или отслеживали мои сообщения в социальных сетях. Но я написал всего лишь один пост в фейсбуке об ухудшении политической ситуации в Синьцзяне, причем достаточно сдержанный, чтобы не привлекать внимания властей или спецслужб. Ну или мне так казалось.⁵

«18 августа Джеффри Кейн выехал из Камбоджи в китай-

---

⁵ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской в РФ.

скую провинцию Синьцзян, район, где этническое меньшинство уйгуров бунтует против пекинского правительства», — утверждалось в статье на популярном сайте Fresh News, который связан с властями и цитируется во всех вечерних выпусках новостей и крупных газетах Камбоджи. В статье меня обвиняли в разжигании беспорядков по всей Азии — в Южной Корее, Камбодже и еще одной стране, оставшейся безымянной, — а также в шпионаже на неназванную «сверхдержаву». Разумеется, обвинения были абсурдными. Я еще даже не успел побывать в Синьцзяне. Но одного австралийского кинорежиссера уже арестовали в Камбодже по аналогичному обвинению, и вскоре он должен был предстать перед судом.

В итоге я не полетел в Синьцзян. Вместо этого я остался в Таиланде, а затем уехал в Вашингтон, надеясь, что шпионский скандал с участием моей персональной «сверхдержавы» несколько поутихнет.

Однако этого не произошло. Девять дней спустя в Камбодже был арестован лидер оппозиции, обвиненный во взаимодействии с так называемой шпионской сетью, в которую включили и меня.

Премьер-министр Камбоджи приказал правительству «расследовать присутствие всех лиц американской национальности, подозреваемых в шпионаже». Затем представители военного командования объявили своей целью «уничтожение всех иностранцев, которые намереваются совершить

акт агрессии против Камбоджи», заявив, что «сокрушат всех до единого».

Я выждал еще четыре месяца, пока паранойя не утихла, и снова ринулся в бой. После освещения авторитарных режимов в разных странах мне стало любопытно взглянуть на антиутопию будущего. На несколько дней я остановился в Пекине, чтобы пообщаться с людьми, знающими Синьцзян, и поужинать с американским дипломатом.

– Куда собираетесь дальше? – спросила она меня.

– В Синьцзян, – ответил я. – Есть один проект.

– Только не туда! – воскликнула она. – За вами будут следить и в конце концов задержат. Там вы не будете в безопасности!

Глава 2

Паноптикон

Паноптикон – чудодейственная машина, которая, как бы ее ни использовали, производит однородные воздействия власти.

Мишель Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»⁶

На следующий день я прилетел в Кашгар, где встретился со своим гидом Мансуром (имя изменено из соображений безопасности). Это был дружелюбный и хорошо осведомленный человек, чью жену по совершенно неясным причинам чуть ли не ежедневно заставляли посещать многочасовые уроки патриотизма. Мансур хотел поделиться своей историей с внешним миром. Он рассказал мне, что его жена в течение «нескольких месяцев» ходила на занятия, где штудировала и заучивала наизусть государственную пропаганду.

«Давайте я расскажу вам о „Ситуации“», – начал он.

В первый из четырех дней, проведенных вместе, мы отправились в поездку по заснеженным, покрытым песчаником окрестностям Кашгара, подальше от камер и любопытных глаз.

«Работа гидом – это моя связь с внешним миром, – объяс-

---

⁶ Пер. В. Наумова.

нил он. — Только так я сохраняю рассудок и не схожу с ума».

«Они называют ее [систему наблюдения] „Скайнет“». Название прозвучало зловеще, не в последнюю очередь потому, что именно такое имя носит искусственный интеллект, управляющий миром, в антиутопическом будущем фильмов о Терминаторе.

Три из шести часов, в течение которых мы в полном одиночестве карабкались по горам, Мансур, бизнесмен по образованию и человек, хорошо разбирающийся в текущих событиях, рассказывал мне о трех этапах создания идеального полицейского государства. Я сократил и во многих местах перефразировал его наблюдения.

Шаг первый, говорил он, заключается в том, чтобы определить врага — меньшинства, иммигрантов, евреев или, в данном случае, мусульман — и обвинить их в своих проблемах. Убедите свой народ, что эти враги повсюду и «что они угрожают силе и чести вашей нации».

Шаг второй — получить контроль над технологиями, чтобы следить за своими врагами. На первых порах руководители технологических компаний, если их прибыли высоки, будут делать вид, что все это не имеет к ним отношения, но начнут сотрудничать, как только их прибыли станут снижаться, потому что им понадобится поддержка государства.

Это поможет установить камеры и запустить социальные сети, способные собирать информацию о ваших врагах: черты лица, ДНК, записи голоса, а также данные о том, чем эти

люди занимаются в интернете. «Распространяйте фальшивые новости о своих врагах в социальных сетях и приложениях». Цель – создать атмосферу истерии, обвинений и паранойи.

На втором шаге, объяснил он, есть один нюанс. Новые технологии в области ИИ и распознавания лиц почти всегда будут несовершенными. Возможно, новое программное обеспечение или устройства не настолько эффективны или умны, как нам кажется, и не способны с легкостью отслеживать подозреваемых в преступлении. Но из этих технологических несовершенств можно извлечь выгоду.

«Но каким же образом?» – спросил я.

Скрыть и запутать то, как функционируют технологии. Использовать жизнерадостный «новояз», делающий технологию непостижимой для обычного человека.

«Суть не только в том, чтобы заставить людей бояться, – сказал Мансур. – Лишить их уверенности – вот лучший способ держать под контролем».

Третий шаг – непростой для любого режима. Мансур принялся объяснять, какую выгоду можно извлечь из параноидального мира постправды, создаваемого при помощи технических средств. Используя камеры, искусственный интеллект, системы распознавания лиц и речи, «страну можно превратить в паноптикон».

«Что такое паноптикон?» – удивился я.

Паноптикон – это тюрьма, построенная в форме круга,

из сторожевого поста в центре которой охранник может наблюдать за всеми заключенными, но никто из них не может видеть охранника, ответил Мансур. Это эффективный инструмент для контроля над людьми: им кажется, что за ними наблюдают, но они не знают, в какой момент и откуда. Идея паноптикона принадлежит британскому философу XVIII века Джереми Бентаму, оказавшему влияние на Джорджа Оруэлла.

«И как это работает сейчас, – спросил я, – здесь, в Синьцзяне?»

«Вы уже видели. Повсюду развешаны камеры, смартфоны и компьютеры взламываются, всех заставляют сканировать ID при входе на рынки и в школы, родственников и друзей вербуют и принуждают доносить друг на друга. Кроме того, каждому присваивается социальный рейтинг для оценки степени благонадежности».

Следующий этап, объяснил Мансур, – «применяйте правила произвольно». Отправляйте врагов в концентрационные лагеря даже за такие незначительные нарушения, как ужин с человеком с низким социальным рейтингом.

«Общество быстро разрушается», – продолжал он. Отгороженные от фактов и правды, постоянно находящиеся под наблюдением, большинство людей не могут отличить врагов от друзей и не обладают информацией, которая необходима, чтобы бросить вызов режиму. Друзья предают друзей, начальники доносят на подчиненных, учителя сдают своих

учеников, а дети – родителей. Каждый вынужден обращаться за защитой к государству.

Итак, технологии, используемые таким образом, больше не высвобождают лучшее, что в нас есть. Они становятся тюрьмой, потворствующей самым темным нашим побуждениям. А люди, контролирующие технологии, в Китае контролируют и народ.

[ ]

Через два дня меня задержали за то, что я фотографировал. Я решил, что пора уезжать. Моим следующим пунктом назначения был египетский Каир, где, как рассказал знакомый уйгур, мигрантов из Синьцзяна отслеживают и депортируют обратно в Китай.

Садясь на рейс в Каир, я загрузил на свой компьютер файл, который мне прислал один из моих знакомых в Китае: «75 поведенческих индикаторов религиозного экстремизма». По его словам, полиция Синьцзяна распространяла этот список, рекомендуя гражданам настороженно относиться к определенным аспектам поведения, которые могут указывать на террориста. Ниже перечислены некоторые из подозрительных признаков:

[Люди, которые] «хранят большое количество еды у себя дома». «Курящие и пьющие, но внезапно бросающие курить и пить». «Приобретающие или

хранящие инвентарь, такой как гантели... боксерские перчатки, а также карты, компасы, телескопы, веревки и палатки без очевидных на то причин».

Приземлившись в Каире, я поехал на такси в центр города, к небольшому отелю рядом с площадью Тахрир, минуя минареты и торговцев специями, толкающихся в потной толпе.

«Нашел людей, которые хотят встретиться с тобой в Каире», – написал мне на электронную почту знакомый уйгур из Вашингтона, когда я заселился в отель.

С «Асманом» и «Османом» мы договорились встретиться в детском учебном заведении для внеклассных занятий, где для этого была арендована комната. Я выдавал себя за учителя английского языка – мера предосторожности, о которой мы условились, поскольку их разыскивала египетская полиция.

В течение шести месяцев эти двое мужчин и их семьи фактически существовали без гражданства и находились в бегах, каждую неделю меняя место жительства. Руки Асмана дрожали, когда он подошел к окну, чтобы выкурить сигарету.

«Они продали нас! – воскликнул он. – Склонились перед мощью другого государства! Мы думали, что будем в безопасности здесь, но мы нигде не в безопасности!»

По его словам, все началось в сентябре 2016 года, когда Египет и Китай подписали ряд соглашений, согласно кото-

рым Китай пообещал Египту 11,2 млрд долларов на строительство новой столицы, электрифицированную железную дорогу, запуск спутников, а также на другие инфраструктурные инвестиции, предусмотренные проектом «Один пояс и один путь». В рамках этих соглашений страны обязались обмениваться информацией об «экстремистских организациях».

«Это означало, что Китай получил право требовать любую информацию, которая есть у систем наблюдения египетской полиции, обо всех нас, мигрантах из Синьцзяна», – подтвердил Осман.

3 июля 2017 года, через тринадцать дней после того, как представители египетских и китайских спецслужб договорились обмениваться информацией, полиция в Египте начала проводить рейды по общежитиям, ресторанам и жилым домам. Они забирали уйгурских студентов и обычных жителей, даже если они находились в стране на легальных основаниях, и депортировали их обратно в Китай.

«Мы знали, что это плохо закончится и они придут за нами, – говорит Асман. – Наше время было на исходе».

В июле 2017 года в его дверь позвонил консьерж.

«Я выглянул в окно и увидел снаружи египетскую полицию, – рассказал он мне. – Поэтому я велел всем гостям и членам моей семьи вылезти на крышу и сидеть тихо».

Обыскав комнату, полицейские ушли, но Асман знал, что они вернутся.

Осман рассказал мне, что планировал сбежать из Египта, но не был уверен, удастся ли ему и его семье выбраться, да и вообще выжить, если их заставят вернуться в Китай. В 2017 году служба новостей «Аль-Джазира» сообщила, что 90% из 7–8 тысяч уйгуров в Египте были возвращены в Китай.

«Все это показывает мощь Китая, – с горечью сказал Асман. – Показывает, что власти охотно делают все, чего требует Китай, если он дает им деньги. Это по-настоящему ужасает».

Большую часть 2018 года я провел в Вашингтоне, где взял интервью у более чем сотни уйгурских беженцев, среди которых был Тахир Хамут, один из выдающихся современных поэтов, пишущих на уйгурском языке. С конца 1990-х годов он работал кинорежиссером в собственной продюсерской компании, снимая художественные и документальные фильмы. Настоящими хитами стали его уйгурские музыкальные клипы и документальные фильмы о культуре и истории уйгуров. Поскольку фильмы Хамута рассказывали об уйгурских традициях, китайское правительство со временем запретило их. В августе 2017 года Хамут вместе с женой и двумя дочерьми поселился в пригороде Вашингтона, штат Вирджиния. «Мы с трудом выбрались [из Синьцзяна], – сказал он. –

Исчезало все больше и больше людей. Не хочу думать, что произошло бы, если бы мы не выехали тогда [в августе 2017 года]. Технологии должны служить на благо человечества, но некоторые страны хотят следить за людьми, угнетать и наказывать их... Это одна из величайших трагедий нашего времени».

У каждого из уйгуров, с которыми я побеседовал с 2017 по 2020 год, полиция забрала – и, возможно, вывезла в лагерь – как минимум двух членов семьи и троих друзей. Об их дальнейшей судьбе зачастую ничего не было известно. Примерно треть от числа моих собеседников сообщили, что стали единственными в своих семьях, кому удалось спастись.

[ ]

В 2017 году Китай приступил к строительству системы из не менее 260 концентрационных лагерей по всему Синьцзяну – так называемых центров профессионального образования и подготовки, а кроме того, начал перепрофилировать в лагерь средние школы, гимназии и здания государственных учреждений. Власти заявляли, что люди отправлялись в эти центры добровольно и могли покинуть их в любой момент. В лагерях «гости» получали такие профессиональные навыки, как, например, изготовление обуви и одежды, изучали китайский язык, а также проходили курсы «деэкстремизации», на которых учились «не быть террористами».

Однако реальное назначение лагерей было гораздо более злобещим. Китай не рассматривал их как часть системы уголовного правосудия. Ни одному человеку, которого в них удерживали, не предъявляли обвинений в совершении какого-либо преступления. В лагерях применялись самые страшные методики и технологии синьцзянской полиции – заключительный аккорд эскалации паранойи и контроля над жизнью каждого жителя страны. Режиму было недостаточно вести слежку за своим народом. Он хотел пойти дальше: очистить их мысли, «вылечить, избавить их мозг от вируса и восстановить здоровое сознание». Подобными медицинскими формулировками пестрели речи чиновников, сообщения государственных СМИ и тексты слитых документов.

Во внутренние правительственные документы попали слова Чэнь Цюаньго, главы компартии Синьцзяна, призывавшего «устроить облаву на всех, кого следует». В феврале 2017 года он произнес речь на городской площади в Урумчи, в которой приказал тысячам выстроившихся перед ним полицейских и военнослужащих приготовиться к «сокрушительному и беспощадному наступлению».

В конце 2016-го и 2017-м году, на раннем этапе внедрения программы перевоспитания, уйгурам, казахам и представителям других, преимущественно мусульманских, этнических меньшинств Синьцзяна предлагалось самим прибывать в полицейские участки. Или же к ним приходили ночью, надевали на головы мешки и увозили в лагеря на заднем си-

денье полицейской машины. Множество бывших арестантов рассказывали мне, что полицейские обещали продержать их в заключении десять дней, максимум несколько недель, пока они будут посещать «уроки перевоспитания». Как только они «окончат курс», их отпустят.

Вместо этого они были вынуждены оставаться в лагерях месяцами, а зачастую и годами, обвиненные в вынашивании экстремистских и террористических мыслей. Заключенных перебрасывали из одного лагеря в другой, по-видимому, без всякой системы. В конечном счете их освобождали, когда лагерь слишком переполнялся. Однако перед выходом на свободу охранники заставляли их подписывать документ, в котором они обещали не рассказывать о произошедшем с ними в Синьцзяне.

В 2017 году на Синьцзян пришелся 21% всех арестов в Китае, несмотря на то что в этом регионе проживает всего 2% населения страны. Число арестов в восемь раз превысило показатель предыдущего года. Некоторые партийные чиновники засомневались в эффективности и этичности кампании зачисток. Согласно слитым правительственным документам, один областной чиновник тайно освободил тысячи задержанных, за что был посажен в тюрьму. Китайское правительство ответило чистками и увольнением чиновников, которые, по его мнению, препятствовали проведению кампании.

По мере увеличения числа заключенных правительство

строило новые лагеря с еще более жесткими мерами безопасности и внушительной архитектурой: сторожевые вышки, мощные бетонные стены и огромные железные ворота, патрулируемые полицейскими с хорошо выдрессированными служебными собаками. Лагеря были возведены за шесть месяцев, хотя на строительство обычных тюрем иногда уходили многие годы. В некоторых лагерях работали собственные фабрики, где заключенных заставляли трудиться над пошивом одежды и обуви, отравляя всю мировую торговую цепочку использованием рабского труда. Согласно исследованию BuzzFeed, большинство лагерей были крупными и вмещали по десять тысяч заключенных.

К октябрю 2018 года я вернулся в Стамбул, чтобы вновь окунуться в эту историю. Турция стала домом для десятков тысяч уйгуров и казахов из Китая, поскольку и те и другие относятся к тюркским народам. Президент Турции Реджеп Эрдоган приютил беженцев, а позже стал одним из немногих мусульманских лидеров, осудивших обращение Китая с уйгурами.

Тахир Хамут познакомил меня с Абдувели Аюпом — «учителем Абдувели», как называли его ученики и знакомые. Своенравный, вспыльчивый лингвист и писатель, Абдувели получил образование в Канзасском университете и в своем блоге очаровывал уйгуров рассказами о жизни на Западе. В июне 2011 года он вернулся в Китай. Из-за его образования и круга контактов, а также поскольку он руководил

в Синьцзяне детским садом, в котором преподавали уйгурский язык, в правительстве сочли его опасным, а чуть более двух лет спустя арестовали на год и три месяца.

«Китай пытал меня. Они лишали меня сна. Они хотели, чтобы я отрекся от всего этого, – рассказывал он мне. – Это был не старомодный геноцид, нацеленный на уничтожение группы людей. Они действовали изощреннее. Хотели стереть мои мысли, мою личность – всё, кем я был, и всё, что я написал. История и культура – там хранится наша память. Сотрите память, сущность, дух – и вы уничтожите народ».

Абдувели удалось сбежать из Китая после того, как он был освобожден из центра содержания под стражей, и в августе 2015 года он оказался в Турции. У него были отличные связи. Будучи влиятельным литературным деятелем в уйгурском сообществе, он публиковал свои антиправительственные произведения в интернете и получал всевозможные похвалы от коллег. После нашей встречи в Стамбуле он отвез меня в Анкару, столицу Турции, где познакомил с молодой уйгуркой по имени Майсем, которой на тот момент было около двадцати лет.

«Тебе нужно с ней познакомиться, – сказал мне Абдувели в поезде. – Она еще не засветилась на публике. А история невероятная...»

Однажды вечером в октябре 2018 года мы пили чай в ее просторной, но пустоватой – Майсем лишь недавно переехала – квартире на окраине города. Она завершала обучение

в магистратуре по социальным наукам и готовилась поступать в аспирантуру в США. У нее было бледное лицо и длинные каштановые волосы, изящная манера говорить и держать себя. Но ее хрупкое и стройное обличье не обмануло нас с Абдувели. Разговор выдавал в ней жесткую, сильную личность. В непринужденную болтовню о ее любимом чае и жизни в Анкаре она вплетала литературные отсылки и смелые заявления о положении дел в мире.

«Говорят, женщина не должна быть образованной, – сказала Майсем. – Я же утверждаю, что образование для женщин изменит мир». – Она носилась по квартире, готовя еду на кухне, а через секунду уже показывала книги из своей библиотеки.

Китайские власти вербуют знакомых и родственников уйгуров, уехавших из Синьцзяна, в качестве агентов и информаторов и заставляют их звонить беглецам, чтобы получить сведения об их друзьях и соседях, находящихся за границей. Множество уйгуров в Турции рассказывали мне, что во время таких звонков уйгурские агенты присылали им фотографии и видео с членами их семей, заключенными в центрах содержания под стражей. Агенты обещали беглецам, что им разрешат пообщаться с братьями, сестрами, родителями и детьми, связь с которыми давно оборвалась, а также проследят, чтобы с их родственниками ничего не случилось, – если они предоставят информацию о местонахождении и деятельности других уйгурских беженцев в их окру-

жении.

Сначала Майсем сомневалась, стоит ли рассказывать мне свою историю. Ей было стыдно, что она бросила свою семью. Многие из ее родственников пропали без вести, почти наверняка угодив в концентрационные лагеря.

«Моя ноша тяжела... Моей семьи больше нет, а сама я – пешка в новом мировом порядке, – сказала она. – Но я расскажу вам, как мы дошли до такой жизни».

Глава 3

«Скайнет» тебя нашел

*Ни малейшей пощады.
Си Цзиньпин*

«В Синьцзяне, где я выросла, – начала рассказывать Майсем, – обо всех заботилась партия. Путь каждого был определен с самого детства. Мужчины обычно становились полицейскими, а женщины – школьными учителями».

Майсем была редким исключением. Она родилась в уважаемой семье, с отличием окончила среднюю школу, сумела попасть в престижный китайский университет и готовилась к работе в дипломатическом корпусе – необычные достижения для молодой девушки, представительницы этнического меньшинства.

Отношение государства к жителям Синьцзяна изменилось не в одночасье, и поначалу Майсем не замечала происходящего вокруг. Как крошечные трещины, разбегающиеся по яичной скорлупе, изменения происходили постепенно. Все началось в июле 2009 года, когда в ответ на вспыхнувшие в Урумчи этнические беспорядки, направленные против властей, полиция устроила облаву на молодых мужчин, подозреваемых в разжигании смуты.

С 2009 по 2014 год недовольные уезжали в Афганистан

и Сирию, вставая на путь джихада. Некоторые надеялись вернуться в Китай. Другие хотели остаться в рядах ИГИЛ навсегда, влекомые чувством общности и сопричастности. Китайские власти отвечали на террористические атаки грубой силой, сажая в тюрьмы и казня подозреваемых.

Однако с 2014 года авторитарная длань правительства накрыла все население целиком, уже не делая различий между террористами и невинными жителями. Для начала в августе 2014 года в городских автобусах была запрещена публичная демонстрация религиозной принадлежности во время спортивных соревнований, включая бороды у мужчин и хиджабы у женщин. Вскоре эти запреты были введены во всех общественных местах. Тем летом Майсем пришлось предъявлять удостоверение личности, чтобы попасть в торговый центр и на автомобильную заправку. Пока она заправляла свою машину, вокруг стояли охранники. В том же году она услышала о намерениях властей внедрить в ее родном Кашгаре систему «Безопасный город».

Затем вокруг стали появляться камеры видеонаблюдения: все больше и больше, тысячи – повсюду, куда ни посмотри.

«Полиция говорила, что это делается для борьбы с преступностью и терроризмом, для наблюдения за иностранцами и мусульманами, которые могут иметь экстремистские взгляды, – рассказывала Майсем. – На первых порах слишком многие это поддерживали. Слишком многие свыклись».

К 2016 году Майсем была студенткой магистратуры в Ан-

каре, а летние каникулы проводила в доме своей семьи в Кашгаре. Ей оставался год до получения степени магистра социальных наук. Однажды в июне 2016 года ее вызвали в местное отделение полиции. Стражи порядка проверили документы Майсем, после чего просканировали ее лицо при помощи смартфона и подтвердили личность. Дальше последовал принудительный медицинский осмотр. Офицер взял образец ее ДНК – мазок изо рта, потом кровь – и сверил с государственной базой данных. Затем программа распознавания идентифицировала ее голос. «Скайнет» нашел ее и узнал.

«Имя: Майсем...» – ей был виден экран компьютера, на котором замелькали надписи.

«Социальный рейтинг: неблагонадежная».

Поскольку Майсем проводила время за границей, полиция обязала ее посещать еженедельные пропагандистские занятия по основам гражданственности и государственной власти. После окончания курса она намеревалась вернуться в Анкару, получить степень магистра и поступить на дипломатическую службу, чтобы семья могла ею гордиться.

Но однажды в дверь ее квартиры постучал районный представитель власти, назначенный китайским государством, и вручил документы, предписывающие вновь явиться в районное отделение полиции. Когда Майсем отметилась у стола дежурного, трое мужчин-китайцев, одетых в темные костюмы, усадили ее на заднее сиденье большого черного

внедорожника. Час они куда-то ехали. А когда добрались до места назначения, охранники сообщили Майсем, что они находятся в «центре перевоспитания», где ей предстоят ежедневные интенсивные занятия по основам гражданственности. Занятия будут начинаться в восемь утра, а в шесть вечера она сможет уходить домой.

Но через несколько минут ее отвели во второй, еще более строгорежимный комплекс, который охранник назвал «центром принудительного содержания» и который было запрещено покидать. Майсем сопровождали во двор здания, похожего на перестроенный жилой дом, с надписью над входом: «Любим президента Си Цзиньпина».

«Иди внутрь», – сказал ей охранник. За ней закрыли двери, и Майсем в одиночестве оказалась в начале длинного цементного коридора. На нее смотрели камеры, расположенные через каждые несколько десятков метров.

«Стены были покрыты картинками с пропагандистскими лозунгами, – рассказывала Майсем. – На одной стороне стены были изображены мусульманские женщины в хиджабах, выглядевшие печальными и подавленными. А на другой стороне – женщины на высоких каблуках и в современной одежде, наслаждающиеся городской жизнью. На одной стороне были изображены плачущие дети, которых учил мусульманский учитель-уйгур. На другой – счастливые дети на уроке учителя-ханьца».

Майсем снова вывели во внутренний двор и велели ждать.

Она стояла там, оцепеневшая и растерянная. Ее окружил десяток охранников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.